

Десять дней до летнего солнцестояния

Близился закат. А летом в Гелиограде это означало чуть ли не наступление глубокой ночи, так как в эту пору день растягивался почти на целые сутки.

В воздухе пахло иссушённой травой и далёким дымом от жилых домов. Улицы стали бронзовыми в последних лучах солнца, но мало кто ещё не спал — коли летом люди жили бы по солнцу, от изнеможения многие не дотянули б до осени.

Но то обычные люди, а божий помазанник чтит иные порядки. По возвращении в родной город Агний немедленно повидался с семьёй, со всеми знакомыми, по ком успел заскучать, предался главной страсти своей, съездив пару раз на охоту, и теперь душа его требовала религиозного уединения. Высшая сила ревностно влекла его прочь от общества хотя бы на часок. На крыше неприметного сарая на отшибе города Агний встречал каждый восход и закат. Приветливость и дружелюбие его были велики, но в подобные моменты близости с Тефлиосом он избегал жрецов, которым могло вдруг приспичить засвидетельствовать свое почтение.

Однако чего не знают жрецы и другие пройдохи, то прекрасно известно родному брату. Коловрат редко выходил на какой-либо контакт с Агнием, но когда это происходило он выбирал самое неудобное время. Не то чтобы Коловрат сознательно хотел насолить ему, просто ему и в голову не приходило, что можно поговорить в любой другой час, а не забираться в тайник брата.

Услышав, что некто поднимается к нему на крышу, Агний, нехотя оторвав глаза от заходящего солнца, обернулся на шум. Затуманенные ещё глаза не сразу распознали, потревожившего его покой. Агнию потребовалось несколько мгновений, чтобы вернуть свой ум в действительность после общения с богом.

— Здравствуй, Коловрат. — Он расслабленно улыбнулся, словно пьяный.

— Не помешал?

— Немного помешал. — Агний пожал плечами, но его едва ли расстроило произошедшее.

— Понятно. — Коловрат сел рядом. Он ясно решил, что и как скажет Агнию, но как только пришел, из головы вылетело всё. — Десять дней осталось. — На это заявление Агний только с озадаченной усмешкой кивнул, мол, спасибо, и сам знаю. — Ты... готов?

— Я родился готовым.

Из чьих угодно уст эта фраза прозвучала бы хвастливо или высокомерно, но Агний говорил до того прямо и бесцеремонно, что становилось ясно — для него это не больше, чем данность.

— И ты совсем не волнуешься? Это ведь самое грандиозное солнцестояние, к тому же последнее для тебя.

— Меня это только радует. Ты считаешь должно быть иначе? — Коловрат неопределённо помотал головой, он ожидал услышать от брата ещё что-нибудь, и Агний продолжил. — А то, что последнее, так и то хорошо. Ты бы стал бояться, если бы тебе пришлось менять старую хибару на дворец? Со мной считай то же самое. Даже весточки смогу отправлять. В лучах солнца тёмные дела не делаются.

Коловрат вздохнул. Его раздражали речи Агния, когда тот строил из себя мудреца, к тому же он пришел сюда, чтобы разделить свое беспокойство перед великим днем. А главному его участнику все волнения были что кулаком по латуни.

— А ты переживаешь?

— Вроде того. — Нахмурился Коловрат.

— Уж не за меня ли? — Агний нагло улыбнулся. Коловрат всегда держался по отношению к нему демонстративно пренебрежительно и на подобное заявление мог разозлиться, а следом выдать истинную причину своих расспросов.

Но он только пожал плечами. За Агния Коловрат, конечно, вовсе не переживал. Дело в том, что обряд похорон сердца, к которому Коловрат так упорно шел, требовалось выполнить в один из дней особой силы. Таких дней в году было всего несколько — ближайший приходился на солнцестояние. Чем ближе становился этот день, тем больше Коловрат думал о провале. Он не был уверен в Фиме, своем человеческом мастере, допускал, что весь описанный в книге ритуал был вымыслом, так как неизвестно, проверял ли кто-либо, работает обряд или нет. Но больше всего Коловрат сомневался в себе. Несмотря на то, что мудрейшая Трела, чьим рекомендациям он слепо следовал, уверяла, что для искомого результата не требуется никаких личных способностей и могущества исполнителя, Коловрата не покидал страх, что даже такое колдовство не подчинится ему. Ведь все, что он пробовал прежде не давало никакого исхода, даже отрицательного. Он слышал, что новички, допускающие ошибки, испытывают все неприятные последствия на себе. Коловрат же ни в попытках связаться с богами, ни в более темных практиках не чувствовал даже самой малой отдачи.

Тем временем солнце окончательно скрылось за горизонтом. В течение полутора часов вечерние сумерки должны будут незаметно перейти в предрассветные.

— Слушай, может... благословишь меня? — Коловрат чувствовал себя дураком, но не получив сочувствия, с пустыми руками уходить не собирался.

— Конечно! — Агний просиял. — Только нужно будет спуститься. На улице нельзя это делать.

И, не задавая лишних вопросов, он бодро поднялся и пробрался в дыру в проржавевшей черепице. Коловрат последовал за ним. Всё-таки на что-то годился этот божий баловень. Благословение Агния было выдающимся явлением. Коловрат искренне уверен, что не умеет его брат проворачивать этот фокус, его богоизбранность никому даром была бы не нужна.

Внутри сарая было далеко не так уютно, как на крыше. Запах пыли и плесени пропитал все помещение. В полумраке было секундным делом посадить занозу о случайный обломок мебели и следовало бы благодарить богов, что повезло не запнуться и не расшибиться.

— Начнём? — спросил Агний, найдя более-менее незамусоренное место.

Вместо ответа Коловрат опустился перед ним на колени, в предвкушении поджав губы. По сути все скоморохи и паяцы на ярмарках были тусклым дополнением к Агнию с его единственным ни с чем несравнимым трюком. В день фестиваля к нему выстраивались очереди воровато оглядывающихся горожан — всё-таки колдовство другой церкви. Тогда Агний работал быстро, одним касанием. Но сейчас Коловрат желал получить от брата полное, совершенное по всем правилам благословение.

— На что тебя благословить?

— Просто. На удачу. — Со вздохом ответил Коловрат и закрыл глаза, когда почувствовал, как на его лоб легли теплые ладони.

Под мягкое неразборчивое бормотание Агния он ощутил, как от чела к затылку растекалось нечто вязкое и обжигающее. Благословение было запущено. Агний сильнее сжал пальцы, и наваждение стало приносить помимо искрящегося жара настоящую благодать. Внутренним взором Коловрат ощущал, что эта благодать, распространившаяся уже по его горлу состояла из ослепительного белого света. Он не знал, только ли это ему чудилось, или что-то действительно светилось внутри него. Открыть глаза, чтобы это проверить, Коловрат не решился — опасался все испортить. Да и неинтересно было, что настоящее, а что нет, хотелось просто следить за растекающийся по телу удовольствием да стараться удержаться на ослабевших коленях.

Агний продолжал методично бормотать молитву. В иные моменты в ней можно было разобрать два-три слова, но в остальном казалось, что говорит он на неизвестном языке.

Но вскоре молитвы Агния стали отходить на второй план в сознании Коловрата, все звуки стали заглушаться неясным шумом. Пребывая на грани экстаза, он не замечал, как конечности сначала немеют, а затем, охваченные мягким покалыванием, и вовсе словно растворяются в пространстве. В какой-то миг блаженство достигло своего пика, и Коловрат потерял самосознание. Но забытие было и длилось считанные секунды, после чего он пришел в себя новым человеком. Каждое чувство стало будто в несколько крат острее, откуда-то взялась бодрость, хотя последние несколько ночей сон был ни к черту, а голова обрела такую ясность, что по сравнению с ней обычное состояние Коловрата было не чем иным, как беспробудным пьянством.

Но был у этой эйфории и один существенный минус: от счастья было тяжело держать себя в руках. Едва открыв глаза, Коловрат задорно вскочил на ноги и сгрёб Агния в объятия. Тот рассмеялся от неожиданности. Умом Коловрат понимал, сколь неловко будет чувствовать себя впоследствии, но ничего не мог поделать.

— Спасибо. — Горячо прошептал он, сжимая брата чуть ли не до хруста.

Как только неуправляемый восторг позволил, Коловрат отпустил его и убежал восвояси. Глядя ему вслед, Агний насмешливо и с любопытством покачал головой. Что ж, что бы ни задумал Коловрат, теперь ему будет сопутствовать удача.

•

С высокой ветки осины открывался приятный вид. На много вёрст вокруг раскидывался один только лес, да была ещё где-то поблизости дорога, но, укрытая густыми деревьями, она оставалась невидимой.

На ветке сидел некто, выбравший себе земное имя Ярило. Сидел он неподвижно и не издавая ни единого звука. Размышления его были тяжелы, но, уже долгое время обдумывая с разных сторон все одни и те же темные обстоятельства, он привык предаваться мыслям без былой ярости и отчаяния. Сейчас ему всего-то и надо было выбрать, куда держать путь дальше и как узнать новости про своих врагов. Ярило потерял так много, что было проще сказать, что однажды он умер.

— Дядь! А Вы чего там? — Снизу раздался звонкий голосок.

Под деревом стояла совсем юная девица и с дружелюбным изумлением глядела на Ярило. Он заметил её ещё издали, но не следил и не думал, что она подойдёт и станет с ним разговаривать. Но

смуглая черноглазая незнакомка каким-то образом заметила мужчину на дереве.

— Вы заблудились, дитя? — Голос у Ярило был хриловатым, разговаривал он нечасто, так как в основном пребывал в одиночестве.

— Нет, гуляю просто. — Рассмеялась девочка, не ожидавшая услышать такой церемонный ответ. — А Вы бы спускались, ан кошка.

— Почему кошка?

— Ну, а кто же ещё по деревьям лазает? Хотите, белкой будете.

— Я не кошка и не белка. — Серьезно ответил он. — Зови меня Ярило.

Он все же решил спуститься. Странная она какая-то, уж не чёрт ли девицей обернулся? Оказавшись на земле и ближе увидев её лицо, Ярило понял, что не ошибся, назвав дитём эту мало воспитанную особу.

— Вы здесь одна? Ищете помощи? — На чёрта девчонка была не похожа.

— Нет, просто подумала — странно как! Сидит человек среди леса глухого, уж не заблудился ли, не высматривает дорогу? А то я и показать могу, тут не далеко, я знаю, где!

— Я тоже знаю. — Оборвал ее Ярило. — Вы очень благородно поступили. Но разве Вы не боитесь встретить плохого человека? Их тут немало, ни для кого не секрет.

— А Вы плохой? — насмешливо спросила девица.

— Я — нет. Но Вам это не могло быть известно.

— Отчего же? — она сощурилась ещё хитрее.

Ярило задумался. По всему выходило, что он встретил жрицу Дрома, хранительницу дорог, иначе объяснить её бесстрашие он не мог. При мысли об этом, на душе Ярило потеплело.

— Доведите меня до дороги, будьте добры. — Лицо его было все ещё суровым, но тон голоса смягчился. — Как Вас можно величать?

— Трезора. — Она вновь чуть не рассмеялась, оттого, какими чудными и приятными были манеры Ярило.